

НЕ ТАКОЙ ДРАКОН



В. ФИЛАТОВ

В Филатов
Не такой дракон

«Автор»

2026

Филатов В.

Не такой дракон / В. Филатов — «Автор», 2026

Зелёный дракончик лишается семьи ещё в раннем детстве. Казалось бы, его ждёт обычная судьба лесного дракона: охота, полёты и жизнь среди своей стаи. Но однажды открывается тайна, которая меняет всё. Он оказывается не таким, как остальные. Изгнанный собственным народом, юный дракон отправляется в опасное путешествие через леса, горы и человеческие земли. Ему предстоит встретить серебряных драконов, узнать секреты древней крови, столкнуться с охотниками, магами и работоторговцами, а главное — понять, кто он на самом деле. История взросления, приключений и поиска своего места в мире, где каждый требует выбрать сторону, а герой всё больше убеждается, что его путь — особенный. «Не такой дракон» — увлекательное фэнтези о том, что иногда именно непохожесть становится величайшей силой.

© Филатов В., 2026

© Автор, 2026

В Филатов

Не такой дракон

Папа и мама гордились нами. Нас было пятеро — две девочки и трое мальчиков. Ещё бы: у зелёных драконов редко бывает такое большое потомство. Обычно рождаются двое или трое детёнышей, а пятеро — большая редкость.

Жили мы в огромном дереве, одном из тех лесных гигантов, что поднимают свои ветви высоко над землёй. Сердцевина дерева давно подгнила, и внутри образовалось просторное дупло. В нём свободно помещались два взрослых зелёных дракона и всё их потомство.

Мама очень баловала нас. Она почти всегда сидела рядом. Правда, иногда ненадолго улетала, а потом приносила живую белку. Белка весело прыгала по дуплу, пытаясь спрятаться, но мяса в ней было мало. Зато тому, кто первым её поймает, доставался лучший кусок от добычи, которую приносил папа.

А папа всегда приносил что-нибудь вкусное. То большую жирную свинью, то молодую газель, то крупного оленя. Мы съедали добычу всей семьёй.

Потом папа пропал.

Вскоре начали исчезать и другие зелёные драконы. А затем одна из самок сумела спастись и принесла страшную весть. Оказалось, на нас охотится огромный чёрный дракон. Он выслеживал зелёных драконов, устраивал засады и пожирал их одного за другим.

Мама сказала, что редко когда бывало такое, чтобы драконы поедали драконов. Но этот, видимо, полюбил охоту на зелёных. Ведь зелёные драконы самые маленькие и прячутся в лесу, а чёрные вместе с красными — самые крупные и сильные.

А потом пропала и мама. Мы плакали, звали её, но она так и не пришла. Мы были голодные, но наш плач услышал он — здоровый чёрный дракон. Он заглянул в дупло, увидел нас и мгновенно схватил самого ближнего мальчика. Мы разбежались по дуплу и попрятались, но он никуда не ушёл. Он так и сидел и ждал, пока мы проголодаемся и выберемся сами.

Я не знаю, как маленькие детёныши могли насытить такого здорового дракона, который даже не пролазил в наше дупло своей мордой. Но он ждал нас. Может быть, мы были для него какие-то особенно вкусные.

Мальчик, что был крупнее меня, решил, что укусит чёрного дракона — тот испугается и убежит. Он выскочил — и тут же раздался хруст. Мы увидели, как от него остался только хвостик, а потом и хвостик тоже пропал. Девочки испугались и заплакали.

А в дупло заглянул один глаз, потом другой. Затем он вдохнул огнём, и я прикрыл девчонку крыльями. Мне слегка обожгло крылья, но не сильно — только перепонки немного повредило. Но летать я всё равно не умел, поэтому не страшно, хотя и очень больно.

Девочки начали облизывать мои крылья. Так мама всегда делала, когда кто-то из нас ломал что-то, прокалывал кожу или дрался до крови.

Мама говорила, что нельзя так поступать, но мы её редко слушали. Теперь жалели.

От их языка стало легче — кожа стягивалась, под ней появлялись новые перепонки. Я даже видел, как молодая зелёная плёнка проступает сквозь обожжённое место.

— Видите, — сказал я, — вон там хворост всё ещё дымит. Помните, зачем мама его насыпала?

Старшая девчонка нахмурилась:

— Там было дупло. Мама закрыла его, чтобы мы не сбегали или не падали вниз.

Потом она подняла голову:

— Давайте втроём нападём на него. Покусаем — может, он испугается.

— Конечно, — ответил я. — Только чуть позже.

Мы отгребли тлеющий хворост. Дракон снаружи шевельнулся, громко втянул воздух. Девчонки юркнули вниз, в гнилое продолжение дупла. Сердцевина дерева была подгнившая, изъеденная жучками.

Я схватил острую ветку, выбежал к краю, увидел гигантский глаз — и ткнул веткой прямо в него.

Он взревел. Я сделал два прыжка, добежал до отверстия в полу и нырнул вниз. Позади раздался рёв и вспышка — яркое пламя пожрало наш дом.

А потом мы слышали сверху несколько ударов. Мне кажется, ему показалось мало, что всё там было в огне. Хотя удивительно, как так быстро огонь потух. Или мама с папой чем-то дупло обработали. Ведь мы тоже учились выдыхать огонь. Или же этот страшный сам свой огонь потушил. Но теперь он пытался своей мордой пробиться и залезть в дупло — чтобы, наверное, собрать наши горелые тушки. Или чтобы добраться до нас и наконец сожрать. Мы ведь его сильно обидели.

А потом что-то хрустнуло, и мы выкатились на улицу, покатались кубарем по стволу дерева, а потом оказались возле него. Но рёв и хруст всё продолжались, и мы видели, как здоровая туша дракона стояла возле дерева. Голова застряла в нашем дупле, и он не может её вытащить. Ну ещё бы — у него ведь шипы сзади головы и шеи, ну и, конечно, небольшие рога, которые не дают ему вылезти. И вот он бьётся, пытается разворотить древесину. А я посмотрел на девчонок и сказал:

— Вот теперь мы его покусаем.

Маленькая спросила:

— А может, убежим?

Я ей сказал:

— Давай ты его укусишь один раз. А мы, — я показал на большую, — покусаем сильно-сильно, чтобы он больше не обижал маленьких.

И мы ринулись по стволу, как три маленькие белки, за которыми мы любили гоняться по дуплу.

Мы не смогли прокусить его шкуру — чешуя оказалась слишком твёрдой. Но были крылья, и мы начали кусать его за перепонки. А потом он дёрнул крылом, и я полетел — и закричал от радости, что я лечу. Девчонки улетели в кусты, по-моему, не сильно колючие.

Потом я увидел парочку взрослых зелёных драконов. Они подлетели ко мне и спросили, что происходит. Я сказал им, что вот этот, чёрный, съел двоих наших братиков и, скорее всего, маму с папой. А теперь мы его немножко покусали, но добраться не смогли.

Взрослые кинулись на чёрного. Один откусил ему одно крыло, а второй вцепился снизу в горло, пытаясь его перекусить. Там началась настоящая битва. Чёрный передними лапами рвал зелёного, а зелёный пытался отбиваться и порвать горло. Второй, который откусил одно крыло, кинулся ко второму и тут же откусил второе.

Чёрный ревел оглушительно. Подлетело ещё трое взрослых. И тут почти всё закончилось. Они быстро облепили его и даже откусили тот гребень, который был у чёрного сзади на шее. Оторвали его и вцепились в горло втроём. И всё-таки откусили ему голову.

Ну а сестрёнки вылезли и тоже начали кусать уже оборванное крыло. А я висел сверху и верещал, командовал взрослыми, куда его надо кусать и как сильнее, чтобы он никого больше не кусал.

Взрослые наконец отошли. Одного сильно подрали — и бок, и живот, но подрали сверху, только шкуру. Правда, он тяжело дышал и сам себя облизывал, наверное, чтобы быстрее зажило.

Ну а чёрный подрагивал, и с него лилось много крови. Я спикировал вниз и начал эту кровь жевать, а потом — жевать и то мясо, что торчало из его шеи. Один из драконов рыкнул, видимо, хотел отогнать меня от своей добычи. Но тот, которого сильно подрали, рыкнул ему

в ответ и сказал, что это также и моя добыча, и я помогал с ним справиться. На что все пять взрослых драконов хмыкнули. Ну ещё бы — ведь я действительно больше всех помог. Это ведь именно я загнал в ловушку этого чёрного дракона. Хотя они, наверное, и не знали об этом.

Прилетели ещё два чёрных дракона и приземлились рядом. Я подумал, что всё — мы пропали. Один сел с левой стороны от чёрного дракона, другой — с правой. Я хоть и полностью наелся, но не знаю, что меня тянуло и тянуло — кусать и кусать это окровавленное мясо. Как будто что-то внутри хотело как можно сильнее отомстить этому чёрному.

Один из чёрных, прилетевших, спросил у зелёных:

— Это он?

Я подумал, что говорят про меня, но, оказывается, они говорили про того чёрного. Один из зелёных сказал:

— Да. Мы его поймали и убили. И теперь он наказан.

Левый чёрный махнул головой. Один схватил за одну лапу, другой — за другую. Они поднялись в воздух и потащили тело. Как сказали взрослые, они сбросят его в какую-то пропасть, где он спокойно дождётся падальщиков. Потому как это самая позорная кончина и самые позорные похороны.

Когда чёрные улетели, один из взрослых зелёных подошёл к нам. Я просто сравнил: чёрные по сравнению с зелёными почти в два раза длиннее, и толще, и выше. Но уважают — это я заметил. Они не стали говорить, что они больше, что они сильнее. Они просто забрали своего сородича и утащили. Это мне понравилось.

Он встал и сказал, что мы теперь сироты. И что этого — он показал на меня — возьму я, а вот этих двоих, он показал на девчонок, — возьмёшь ты. Он показал на другого дракона.

— Сынишка погиб. Вот будет как раз неплохая замена.

Тот помотал головой:

— Моя подруга уже оправилась. И скоро у нас будут новые.

На это поднялся тот, которого сильнее всего подрали.

— У меня девчонка погибла точно так же, как и их родители. Эту парочку я заберу себе. У меня подруга прекрасно примет новых детей.

После этого один схватил меня лапой за шкуру и полетел в глубину леса. А потом пищущих девчонок тоже потащили куда-то. Вначале мы летели в одну сторону, а потом разделились. Оказывается, мы будем почти соседями — примерно пять минут полёта, и я могу навестить своих сестрёнок.

Наши новые родители жили почти в центре леса. В центре был вожак, в центре были его подруги — сразу две. Были его дети. Ну а теперь жили и мы. Нас поселили на краю — оказывается, только потому, что это была молодая пара. Они не думали, что у них вообще появятся дети. Обычно у молодых что-то шло наперекосяк: либо яйца разбивали, либо дрались и давили детёнышей, либо отец неловко мог повернуться, или мать уснёт, повернётся и не заметит — и задавит. Ошибок было много. Но вот тут они ошиблись сами. И теперь вместо пятерых нас осталось трое.

Как ни странно, но там была девчонка, которая восприняла меня в штыки. Она шипела и пытела. А потом я разозлился, взлетел и выпустил маленький огонёк — впервые в жизни. Она испугалась и завизжала. Тут и появилась ее мать. Фыркнула на неё, рывкнула на меня. Но когда увидела, что я лечу и выпустил первый свой в жизни огонь, схватила меня и куда-то потащила.

При мне она забила одного крупного кабанчика и бросила меня там:

— Жри. Тебе теперь это надо.

Потом я понял, что это было поощрение. И чем быстрее я буду набирать навыки, чем больше и сильнее становиться, тем чаще меня будут награждать вот таким вот сочным, вкусным куском мяса.

Правда, потом она схватила округлившегося меня и тушу, оттащила домой, где девчонка тоже ела, и поглядывала на меня с обидой.

Назад, когда меня несли, я по попискивал, ведь хотел лететь сам. Но меня пару раз придавили, и я понял, что лучше молчать.

Потом меня похвалили уже перед отцом. Он сказал, что видел мой полёт. Но то, что я уже огнедышащий — этого ещё не видел. А самое интересное, что у зелёных огнедышащих очень мало. В лесу огонь — это больше враг, чем друг. А тут я вот такой, весь красивый, огнедышащий, да ещё и так рано летающий.

Ещё заметили, что у меня необычные крылья. Обычно у зелёных они более широкие, но короткие. У меня же они и широкие, и длинные — как будто бы я не для полёта в лесу был сделан, а просто для полёта.

Вообще, их дупло было необычное. Оно состояло как бы из сросшихся двух деревьев, где они обустроили отличный домик. Мать очень аккуратно укладывалась на место и смотрела, чтобы никого из нас не раздавить и не прижать. А мы этим пользовались и пытались подлезть под неё. И если она чуть нас придавливала, пищали — так мы игрались.

Но она быстро распознала нас. Потом схватила лапой обоих, легла, свернулась, засунула голову под крыло, чтобы никто не мешал, и только потом нас отпустила. Хитрая.

А ещё я рассказал про белок, которых нам приносили мама с папой. Мы выбрались на улицу и начали бегать за белками. Белок никто не ловил — мяса в них мало, но зато они шустрые и даже шишками кидаются. А если поймать — то пытаются укусить или поцарапать. Это было так забавно, пока нас не заметил новый отец. Поймал нас обоих, притащил домой и рывкнул на супругу. Оказывается, она должна была нас сторожить, но, видимо, сильно устала и получила выговор.

Я заметил, что я немножко светлее их. Они темнее и лучше сливаются с зеленью. А я же сливаюсь только с некоторыми деревьями. Но, кажется, никто на это не обратил внимания. А может, не стали говорить, чтобы не дать понять, что я не из их стаи, а где-то отдельно.

Ещё рассказали, что чёрные драконы теперь дадут нам кусочек своего пастбища — договор на два сезона, а потом заберут обратно, в качестве компенсации за то, что мы потеряли больше десятка драконов, которых съел их представитель.

Сказали также, что если молодые захотят полетать над угодьями чёрных, то никто их гонять не будет. Было забавно слушать это. Как будто кто-то полетит туда, в скалы, к чёрным.

До самого сезона дождей нас ловили и возвращали в гнездо. Где мы только не были. Мы наблюдали за вождём, за другими семьями, и к сестрёнкам мотались.

Моя новая сестрёнка ещё летать не умела. Однажды она слетела — под ней подломилась ветка, и я её поймал. С огромным трудом мы чуть не упали вниз. Потом я понял, что она держится сама — и отпустил. После этого она снова попыталась упасть, я снова её поймал, и она снова держалась на крыльях. А потом понял — она так со мной играет. И впервые полетела.

За время дождей мы стали самыми известными среди драконьей стаи. Где мы только не мотались, как нас только не обзывали. Но летать, быстро летать, уворачиваться, маневрировать, гоняться за сестрёнкой, или когда сестрёнка гоняется за мной — это же так весело. А потом загонять на окраине леса зайца, или с лёту поймать белку и на ходу откусить ей голову — вот это было настоящее удовольствие.

Охотились мы сами, а домой прилетали только поспать. На нас смотрели странно — не как на брата и сестру. Так смотреть не должны были. Это пугало.

Потом начали летать и мои сестрёнки, и мы стали небольшой стаей. А вскоре к нам присоединились другие драконята. Теперь это была настоящая летающая, рычащая, огнедышащая толпа, что гналась за белками, бурундуками, зайцами и даже за волками. Самое большое развлечение во всём лесу.

О нас судачили все. Кто-то осуждал, а кто-то вспоминал своё детство. Пару раз нас отгоняли взрослые патрульные драконы, что стерегли край леса — у скал и степей, где виднелись человеческие постройки. Они не хотели, чтобы наше любопытство нас погубило.

Но однажды мы всё-таки забрались наверх. Смотрели, как внизу шевелятся крошечные человеческие фигурки, и смеялись — они ведь не умеют летать.

Потом я понял, что кроме мяса можно есть ещё и фрукты, и орехи. Это показала мне мама. Сказала, что иногда это не просто можно, а даже нужно. Мы ведь не люди — не можем питаться одной травой, но и трава нам иногда необходима.

Например, когда начинается линька. А у меня она как раз шла в тот момент. Я подрастал, и детская чешуя становилась тесной, уступая место подростковой. В такие дни, говорила мама, организм сам подскажет, чего ему не хватает — фруктов или орехов.

Я грыз орехи, жевал фрукты, чесался и сдирал с себя старую чешую. А потом стал первым, кто «переделся» — из детёныша в подростка.

Ещё мне рассказали, что иногда нашу чешую — детскую, подростковую или взрослую — относили людям. А те в обмен приносили разные вещи: эликсиры, металлические заготовки, иногда даже оружие.

Наши, зелёные, этим мало интересовались. У нас оружие всегда при себе — когти, зубы, хвост, а при желании можно и боднуть.

А вот у серебряных, золотых и синих всё иначе. Синие живут в морях, где водятся такие чудовища, что и сам дракон может стать чьим-то ужином. Золотые и серебряные умеют принимать человеческий облик — а значит, им нужны одежда, оружие и эликсиры.

Полиняли остальные чуть позже.

Однажды я гнался за своей новой сестрёнкой — и вдруг понял, что лечу быстрее, чем когда-либо. Что-то внутри изменилось. Я стал ощущать её, словно чувствовал каждое движение, каждый взмах крыльев. Мир вокруг стал чётче. Я видел, как изгибаются ветви, как ветер играет между листьями, и точно знал, как повернуть тело, чтобы использовать поток.

Раньше я догонял её за двенадцать, может, пятнадцать ударов сердца. А теперь — всего за три. И когда поймал, почему-то схватил не лапой, а зубами за шею. Она пискнула, я сразу отпустил.

— Ты... не такой, как обычно, — сказала она, глядя на меня. — Что с твоей чешуёй?

Я удивился, посмотрел вниз и увидел, что она стала блестящей, почти зеркальной. Не зелёной, а светящейся, будто отполированной.

— Ты видела такую раньше? — спросил я. — Может, и у тебя потом будет такая?

Сестрёнка покачала головой:

— Нет. Я видела, как становятся взрослыми... но такой чешуи — никогда.

Через время блеск исчез. Я снова стал зелёным. Интересно и странно — как это произошло? Я снова был собой. Уже не хотелось хватать сестрёнку зубами, только лапой, как раньше. И манёвры больше не давались с той лёгкостью, хотя я старался вернуть то ощущение полёта.

А потом я понял, что могу становиться таким — когда захочу.

Но однажды меня заметил один из взрослых. Он схватил меня зубами за шкуру, оттащил к вождю и бросил прямо перед ним.

— Вот, — сказал он. — Смотри. Этот не просто зелёный. Его мать, Ксатай, кажется, спуталась с серебряными.

Я вздрогнул. Ксатай? Так звали мою настоящую мать? Никто раньше не произносил этого имени. Я даже не знал, что у неё было имя.

Взрослый продолжил:

— Он полукровка. Может превращаться в серебряного, когда захочет, а потом снова стать зелёным. Я сам видел.

Вожак посмотрел на меня долго, не мигая. Мне показалось, что весь лес замер. Даже ветер стих.

Потом прилетела сестрёнка и оба моих новых родителя. Они смотрели на мою серебряную чешую — с удивлением и ужасом.

Вожак поднялся. Его голос был низким и тяжёлым:

— Здесь нет места серебряным драконам. И тем более — полукровкам. Ты, может, не знаешь, но я скажу тебе: полукровок уничтожают все. Все, без исключения. Даже если золотой спутается с серебряным — их дети не живут.

Он перевёл взгляд на солнце:

— У тебя есть время. Пока оно не дойдёт до того края. Как только солнце коснётся той ветви — начнётся охота.

Я понял сразу: бежать можно только к скалам. Там простор — меньше веток, меньше шансов, что кто-то перехватит. И главное — там нет людей. А из их башен я уже видел, как стреляют копьями. Не хотелось проверять, как это — когда одно влетает в крыло, даже если оно потом зарастёт.

Я рванул. Летел, как мог — сквозь листья, сквозь порывы ветра, под солнцем, что казалось медленным палачом.

Рядом мелькали зелёные силуэты — взрослые, сильные. Иногда кто-то хватал меня за хвост или задевал кончик крыла. Не знаю, подбадривали или показывали презрение. Но я не оборачивался. Ни разу.

Я постепенно переключился на свою серебряную сторону и видел, когда кто-то из зелёных пытался меня укусить. Кроме этого, развил скорость — они отставали. Теперь я понимал, почему именно серебряных считали самыми сильными драконами. Они были меньше чёрных, меньше красных, чуть меньше синих, но никто не рисковал с ними связываться.

Край коснулся как раз той скалы, когда я выскочил за пределы леса и увидел, как сверху летят пара чёрных. Но им было неинтересно вмешиваться в наши разборки. Зелёные вернулись обратно, меня из леса они выгнали.

Дальше я был предоставлен сам себе. Или вот этим двум чёрным, которые могли решить перекусить или просто позабавиться и погонять меня. Если я в зелёной ипостаси — они быстрее и свирепее. Правда, я более изворотливый и ловкий. Но в серебряной форме они мне не конкуренты.

И вот я лечу вдоль скал, чтобы не углубляться на территорию чёрных. И вдоль леса, чтобы не попасть на территорию зелёных. С той стороны летят два патруля — каждый по два дракона, и мне с ними пока не справиться. Так я и лечу. Со стороны скал за мной наблюдают двое чёрных и летят параллельно. Так я и не понял — то ли они заметили что-то, то ли по какой-то причине решили посмотреть, куда же я лечу и почему боюсь залетать в свой родной лес.

Лес и скалы разделились естественно. Со скал падали камни и сбивали молодые деревца. Была осыпь, которой погребали кусты и траву. Поэтому вдоль этой осыпи я и летел.

Я не знаю, как так получилось — почему такое резкое разделение, и почему здесь вот скалы, а там лес, и почему там равнина, а там горы. Но по какой-то причине так оно случилось. Мне нужно было лететь ещё около часа, а потом скалы кончаются, начинается небольшая речка, потом озеро. Возле этого озера и следующего леса, который не занят драконами, я мог отдохнуть и немного поохотиться. А может быть, уподоблюсь синим и начну ловить рыбу — она ведь вполне съедобна.

А ещё я понял, что постепенно становлюсь тем, кого называют серебряным — не по чешуе, а по духу, по мышлению.

А вот цвет своей чешуи я теперь мог менять, как захочу: хоть снизу окрасить серебром, а сверху оставить зелёной. Или наоборот.

Забавно было смотреть, как одна нога у меня серебряная, а вторая зелёная. А потом — ух ты! — одно крыло синее, а другое белое.

Как это может быть? Неужели мама ещё и с синим спуталась, как они говорили? Но ведь так не бывает...

Я поспешил вернуть себе зелёный цвет. Огляделся — никто не заметил, что на миг я стал синим.

Я летел и думал. Постепенно начал понимать, что, может быть, тогда, когда я испугался, я и стал чем-то другим. Возможно — тем самым первым драконом. Ведь взрослые говорили, что когда-то, очень давно, все мы были одинаковыми: коричневые сверху и жёлтые снизу. А потом разделились по цветам, в зависимости от мест обитания — зелёным проще скрываться в лесу, чёрным — в расщелинах, синим — в воде.

А серебряные и золотые никого не боятся. Красные же тянутся к жерлам вулканов, и купаться в лаве для них так же естественно, как для синих в воде.

Это было интересно — думать, что, может быть, я каким-то образом ближе к тому первому, древнему дракону, чем все остальные.

А потом я наконец добрался до последней скалы и вылетел на простор. Вон там озеро. Я полетел дальше.

Теперь я видел, как зелёные, что меня сопровождали, уселись на деревьях и наблюдали за мной, уже понимая, куда я направляюсь.

А чёрные резко свернули в сторону, к горам. Вероятно, проголодались — с их тяжёлыми телами нужно есть чаще. Не то что мы.

Серебряные и золотые не учатся — им это и не нужно. Они уже всё знают. Их кровь, само рождение в их стае — это память. Память о том, каким был первый дракон.

Они могут вспомнить все свои прошлые жизни: где сражались, с кем, сколько их было тогда и потом. Помнят, в каком роду родились, какая стая их воспитала, или какую стаю они сами создали.

Помнят, как кочевали, как захватывали новые гнездовья, как выгоняли оттуда чёрных, иногда даже синих. А бывало, что и их самих выбивали — золотые, красные, да, может быть, и наши зелёные.

Хотя я и представить не могу, как можно гнездиться в скалах — там ведь неудобно.

А потом я увидел странное.

Два красных дракона атаковали серебряного. Тот прикрывал крылом что-то и вяло отбивался. Под ним что-то лежало... Ага, одно крыло у серебряного кажется сломано.

А вот там, чуть дальше, ещё один красный — только уже мёртвый. Шея свернута, крыло переломано.

Интересно, это он так упал или серебряный его так встретил?

Я всегда думал, что серебряные — самые агрессивные. Но этот... нет. Он просто сидел, распластав крыло, и лишь изредка выпускал короткую струю пламени.

Упал? Ранен? Болеет?

Или, может быть, он вовсе не такой, какими их описывают. Может, не любит сражаться. Такое ведь тоже бывает.

Но мне нужно было к лесу. Я летел туда же, решив взглянуть поближе — вдруг пойму, что там произошло. Всё-таки это не мой бой. Пусть красные и серебряные дерутся между собой — зелёных там не было, значит, и на меня никто не обозлится.

Летел всё ближе. Чёрных не видно, красные всё ещё атакуют. Серебряная — это оказалась самка — вдруг подловила одного из красных: тот подлетел слишком близко, и она вдохнула ему в морду огнём. Но спалила только перепонку на крыле — он неудачно увернулся. Красный рухнул. Она дернулась вперёд, но он сумел сбежать. Видно было, что и красные

бояться: если бы тот остался, ему бы не жить, он бы оказался рядом с теми, кто уже не подавал признаков жизни.

Я летел дальше, и вдруг последний из красных, что оставался в небе, неожиданно развернулся и кинулся ко мне. Ради чего — непонятно. Он не снижал скорости и пытался перекусить мне шею.

Я увернулся и ударил по перепонке струёй огня, но не пробил: огонь был слаб, концентрация низкая, времени было мало. А может быть, для красных мой огонь и был не страшен, вдруг наоборот — ему было приятно, кто знает, иначе зачем так орать?

Он догнал меня снизу, цапнул лапой по перепонке, я в ответ вцепился зубами в перепонку и основание крыла. Вдвоём мы рухнули вниз — у него крыло обломано: я оторвал кусок крыла челюстью, а у меня только порвана перепонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.